

Мертвец в утробе словно понял слова Чжоу Туна. На его уродливом лице отразился дикий ужас. Он забился сильнее, отчаянно пытаясь выбраться из лона Чжоу Сяопин. Тварь пронзительно верещала, раздирая острыми когтями нежную кожу на внутренних сторонах бёдер женщины. По ногам несчастной ручьями заструилась свежая кровь.

Никто не смел ему помешать. Он жаждал новой жизни. И горе тем, кто стоял на его пути: едва выбравшись на свет, он убьет их всех до единого.

Издав яростный, исполненный бессильной злобы вопль, мертвец закричал так тонко и пронзительно, что стекла в окнах мгновенно лопнули. С оглушительным звоном осколки посыпались на пол. Воздушная волна швырнула острые брызги прямо в Чжоу Туна, но Тень стремительно соткался перед ним, одним взмахом сметая смертоносный дождь в сторону.

Чжоу Тун уверенно шагнул вперед. Он опустил на корточки, остановившись в паре шагов — так, чтобы беснующаяся тварь не могла до него дотянуться.

Окутанный клубами зловещей темной энергии, младенец застрял наполовину в теле Чжоу Сяопин. Оскалив острые клыки, он злобно зарычал на Чжоу Туна. Однако юноша сквозь искажившую детское лицо злобу разглядел лишь отчаянную решимость, с которой шли на смерть Сюй Чэнь и Чжоу Сяопин.

Он тихо вздохнул.

— Мне искренне жаль тебя. Но прости, — мягко произнес Чжоу Тун.

С этими словами он медленно выдохнул. Тонкая струйка пара, сорвавшаяся с его губ, соткалась в воздухе в очертания Талисмана Девяти Фениксов для Очищения от Скверны. Призрачный символ завис перед лицом исчадия, объятый языками яростного пламени, которое мягко подсветило спокойное лицо юноши.

— Я помогу тебе переродиться, — ласково добавил Чжоу Тун.

— У-у-у! — дико завизжала тварь.

Увидев, как огненный талисман приближается к лицу, младенец забился в истерике. Его крик перерос в ультразвуковой свист. Он отчаянно махал ручонками, а его глаза, подобные двум бездонным провалам, с безумной ненавистью впились в Чжоу Туна, будто желая разорвать его на куски.

Чжоу Тун даже не вздрогнул. Он спокойно встретил этот исполненный злобы взгляд, и в глубине его глаз Инь-Ян не промелькнуло ни тени страха — лишь безмятежная, чистая гладь.

Вновь раздался торжествующий клекот девяти фениксов. Очищающее пламя поглотило тварь, выжигая дотла ядовитую черную ауру. В предсмертной агонии младенец испустил душераздирающий вопль, давно перешедший границу человеческого слуха.

Слегка наморщив лоб, Чжоу Тун терпеливо ждал, пока утихнет этот невыносимый визг, и огонь талисмана окончательно усмирит буйную силу злого духа.

— Сколько шуму перед смертью, — недовольно проворчал Тень.

Запечатав очищенную душу младенца в крошечный стеклянный флакон, Чжоу Тун поднялся на ноги.

— Хорошо, что ты успел выставить барьер, — с улыбкой поблагодарил он Тень. — Иначе как бы мы объясняли эти крики остальным сотрудникам компании?

«Да как он это делает? — растерянно подумал Тень. — Я же действовал максимально скрытно, откуда он опять всё узнал?!»

— Что думаешь делать с этим злобным духом? — поинтересовался Лин Юань.

— Он ведь тоже жертва, — вздохнул Чжоу Тун, чувствуя, как горько порой шутит судьба. — Я отправлю его на перерождение.

Юноша замолчал и огляделся по сторонам.

— Но сейчас важнее другое. Нужно разобраться с этой ша.

Тень притихла. Чжоу Тун мягко улыбнулся.

— Ладно. Прямо сейчас я ослепну, — произнес он и, зажмурившись, бросил на пол персиковый гангмао. Губы его тронула хитрая усмешка. — Да... минут на десять, пожалуй.

Тень промолчал, мгновенно разгадав его замысел.

Через десять минут высвобожденная энергия ша хлынет во все стороны. Если её не сдержать, она отравит всё живое в округе. Но пока Чжоу Тун «слеп», Тень может вдоволь попировать. Юноша намеренно дал своему невидимому спутнику время на трапезу.

Лин Юань был способен поглощать темную энергию, но впитать такой объем за десять минут в одиночку — задача не из легких. А едва Чжоу Тун возьмется за дело, вся ша окажется запечатана, и Тени не достанется ни крошки. Эти десять минут стали безмолвным подарком.

Поняв намек, Тень стремительно скользнул наружу, соткавшись из наконечника алебарды. Обернувшись клубящимся сизым дымом, он ураганом прошёлся по кабинету, всасывая застоявшуюся скверну. Затем, увлекая за собой мощные потоки ша, дух устремился к ключевым точкам созвездий на карте фэншуй.словно мифический прожорливый таотие, он безжалостно пожирал темную силу, не оставляя от нее и следа.

Чжоу Тун тем временем на ощупь подобрал персиковый гангмао и неторопливо направился к выходу из здания.

За стенами небоскреба раскинулся сияющий огнями центр города. Удивительно, но весь этот кошмар внутри не привлек ни единого взгляда с улицы. Прохожие спешили по своим делам, машины мчались по дорогам — обычный, тихий мегаполис в разгар ночи.

Юноша дошел до геометрического центра здания, оказавшись прямо под средоточием Проклятия Серпа. Опустившись на одно колено, он прижал Персиковый Гангмао к асфальту. Под легким давлением его ладони гангмао с тихим шорохом прошел сквозь монолитный бетон и стальную арматуру, уходя глубоко в недра земли.

В то же мгновение остатки скверны устремились к центру. Вокруг скрывшегося под землей артефакта закружились мощные воздушные воронки. Энергия ша сжималась, затягиваясь в невидимый водоворот, пока последний её сгусток не оказался надежно запечатан под землей.

Из темноты к юноше подплыл призрачный силуэт каменного цилиндра. Под его лапами клубился серебристый туман, а из пасти вырывались искры очищающего пламени. Овеяв юношу теплом, хранитель принялся ластиться к его ногам, словно преданный домашний пес.

Чжоу Тун устремил взор ввысь. Там, на стеклянной арке-переходе между башнями, сидел смутный силуэт. Полы его старинных одежд развевались на ветру, длинные волосы струились по плечам. Фигура источала невероятную, величественную ауру. Лунный свет, преломляясь вокруг его тела, расходился по воздуху нежными кругами, похожими на зыбь на воде.

Их взгляды встретились. Лица незнакомца разглядеть было невозможно, но Чжоу Тун отчетливо почувствовал, что тот улыбается ему — мягко и с искренним одобрением.

Вдруг из земли, как раз там, где скрылся гангмао, медленно поднялась сияющая жемчужина величиной с гусиное яйцо. Окруженная призрачным ореолом, она плавно подплыла ближе. Чжоу Тун протянул руку и поймал её. На ощупь сфера оказалась податливой и мягкой, словно теплая глина, меняя форму под его пальцами. Вопреки холодному свечению, она согревала ладонь живым, глубоким теплом.

— Что это? — тихо пробормотал Чжоу Тун.

— Это Сердце Родителей, — внезапно раздался рядом чистый, приятный мужской голос, в котором сквозила искренняя серьезность.

Чжоу Тун обернулся. Перед ним стоял молодой человек в строгом темном плаще. Его фигуру окутывала мощная, чистейшая аура первозданной белизны.

— С кем имею честь? — вежливо поинтересовался Чжоу Тун, не теряя бдительности.

Собеседник уважительно сложил ладони перед грудью и поклонился:

— Мое имя Хань Ци... можете звать меня Хань Ци.

«Какая топорная фальшивка», — мысленно усмехнулся Чжоу Тун.

Но вслух он спокойно ответил, повторив его жест:

— Чжоу Тун.

Этому приветствию его когда-то обучил отец, Чжоу Да. В их кругах издавна говаривали: «Узнай мастера по первому поклону». Опытному глазу одно лишь приветствие могло рассказать о происхождении заклинателя всё необходимое.

Три великих дома Небесных Наставников — Чжан, Хань и Чу — имели свои уникальные ритуальные жесты. Даже мелкие секты придумывали особые отличия, чтобы заявить о себе. Чжоу Да в бытность свою известным мастером придерживался особого этикета: кланяясь, он незаметно прятал правый мизинец в левую ладонь. Такой жест заменял визитную карточку и сразу давал понять знающим людям, с кем они имеют дело.

Однако Хань Ци, воспользовавшись очевидным псевдонимом, поклонился по стандартному образцу современных вольных заклинателей, скрывая свою принадлежность к клану. И всё же чистейшая аура, фамилия Хань и возраст около двадцати пяти лет наводили на вполне однозначные выводы.

«Уж не тот ли самый это наследник великого дома Хань?» — подумал Чжоу Тун, но развивать эту мысль не стал.

Оставив догадки при себе, он лишь вежливо спросил:

— Господин Хань, вы назвали это Сердцем Родителей?

— Верно, — Хань Ци кивнул и продолжил: — Я издали почуял, что здесь концентрируется мощное проклятие. Источник пытались скрыть, но на душе у меня было беспокойно, и я решил проверить, в чём дело. И как вижу, уважаемый мастер уже со всем разобрался.

— Полно вам, какой из меня мастер, — с улыбкой отмахнулся Чжоу Тун.

— Вы излишне скромны, — серьезно и с долей почтения возразил Хань Ци. — Всего несколько минут назад зловещая энергия ша грозила прорвать небеса, а сейчас её практически не осталось. Справиться с подобным под силу лишь истинному профессионалу.

— Давайте обойдемся без этих чинов, — предложил Чжоу Тун. — Мы ведь ровесники. Зовите меня просто по имени. Честно говоря, весь этот официоз меня только утомляет.

Услышав это, Хань Ци заметно расслабился. Его строгое лицо потеплело, а губы тронула мягкая улыбка. Чжоу Тун явно пришелся ему по душе.

У всего сущего под небесами есть душа, и если неодушевленный предмет обретает разум и волю, в нем зарождается духовная сила. Жемчужина Сердце Родителей была чистейшим воплощением любви Сюй Чэня и Чжоу Сяопин к своему неродившемуся дитя — квинтэссенцией их жертвенности, вобравшей в себя все их несбывшиеся надежды.

— Я не знаю, какая трагедия здесь разыгралась, но Сердце Родителей рождается лишь там, где безвременно оборвалась жизнь невинного ребенка, — тихо произнес Хань Ци. — Чжоу Тун, не считите за дерзость... не могли бы вы рассказать, что здесь произошло?

— Разумеется, — согласился Чжоу Тун.

Официальный тон Хань Ци выдавал в нем выходца из древней благородной семьи. Каждое слово тот взвешивал с такой тщательностью, словно боялся нанести оскорбление. Чжоу Туну подобная манера казалась слишком натянутой, но он понимал, что для его собеседника это было естественным воспитанием.

Юноша вкратце пересказал события минувших дней, после чего достал склянку с усмирённым духом младенца. Крошечный, размером с фасолину, призрак продолжал неистово биться о стеклянные стенки. Но сосуд был заранее вымочен в крови черной собаки, непреодолимой для злых духов преграде, так что все его усилия оставались тщетными.

Заметив, как крошечный дух сидит на донышке и злобно буравит его взглядом, Чжоу Тун шутливо щелкнул пальцем по стеклу. Малыш вздрогнул, в испуге отшатнулся назад, но, увидев ехидную ухмылку юноши, тут же смешно надул щеки и яростно оскалил зубы.

— Чжоу Тун, неужели вы различаете его облик? — с изумлением уставился на него Хань Ци.

Сам он видел в стекле лишь размытое бледно-голубое свечение. Старейшины клана когда-то учили его, что узреть истинный лик бесплотного духа можно лишь после долгих лет медитаций или особых ритуалов раскрытия духовного зрения. Каким же образом этот юноша умудрялся так легко всё видеть?

Чжоу Тун на миг растерялся, но быстро понял причину его удивления. Не желая пускаться в долгие объяснения о природе своих глаз Инь-Ян, он лишь загадочно улыбнулся и протянул склянку собеседнику. Следом в ладонь Хань Ци легло и теплое Сердце Родителей.

— Вот, забирайте. Это остатки души Проклятия Мертворожденного Младенца. Проведите обряд упокоения.

— Сердце Родителей — величайшая редкость в нашем мире, — недоуменно пробормотал Хань Ци, бережно держа мерцающую жемчужину. — И вы так просто отдаете её мне?

— Вполне, — спокойно отозвался Чжоу Тун и, вспомнив кое-что еще, достал из кармана второй флакон.

В нем томилась душа ребенка, погибшего от рук Цзоу Мина. В день падения менеджера с крыши Чжоу Тун решил, что поймал его собственный дух, однако позже Сюй Чэнь объяснил ему правду. Это был несчастный малыш, чью жизнь оборвал жестокий убийца.

— Надеюсь на ваше содействие, господин Хань, — с теплой улыбкой произнес Чжоу Тун.

— Я сделаю всё в лучшем виде, — торжественно пообещал Хань Ци, почтительно поклонившись. Но, выпрямившись и встретившись с лукавым взглядом Чжоу Туна, он вдруг почувствовал странное дежавю — словно его только что бесплатно наняли на тяжелую работу...

И всё же ритуал упокоения — это величайшее благословение и огромный шаг на пути накопления кармической добродетели. Изгнание сотни свирепых демонов не принесет столько духовных заслуг, сколько спасение одной заблудшей души. А тут ему преподносят сразу двоих детей, да еще и под защитой Сердца Родителей! Как можно быть настолько щедрым?

Озадаченный Хань Ци продолжал с подозрением разглядывать нового знакомого. Чжоу Тун, почувствовав навалившуюся усталость, слегка размял затекшие плечи и, поймав этот пристальный взгляд, мягко спросил:

— Что-то не так? Мне нужно в чём-то помочь?

— Нет-нет, я справлюсь сам. Одной моей силы будет достаточно, — Хань Ци мгновенно смутился и слегка покраснел.

— Ну и отлично, — кивнул Чжоу Тун и устало опустил на ступени крыльца.

За его спиной колыхалась едва заметная дымка. Хань Ци мельком взглянул на это странное марево, но не смог разглядеть в нем очертания Тени. Решив, что это лишь остатки сильной защитной ауры самого Чжоу Туна, он отвернулся и сосредоточился на подготовке к ритуалу.

— Зачем ты уступил ему такую благодатную работу? — бесшумно соткавшись рядом, спросил Лин Юань. — Ведь это верный способ снискать милость Небес.

— Пустяки, — лениво отозвался Чжоу Тун. — У него лоб потемнел, а над головой сгустились грозовые тучи. Парень явно на пороге смертельной опасности. Ему эта кармическая заслуга сейчас нужнее — глядишь, и сумеет выжить в грядущей буре. А мне этих крох и так не жалко, обойдусь.

Ничего не подозревающий Хань Ци тем временем сложил пальцы в священную печать и негромко запел очищающее заклинание. Сияющая жемчужина Сердца Родителей взмыла ввысь, зависнув над его головой. По обе стороны от нее соткались два детских силуэта. Под размеренный, низкий ропот древних мантр они начали медленно подниматься в ночное небо, оставляя за собой искрящийся золотистый след.

Сидя на холодных ступенях у входа в офис компании «Хайжуй», Чжоу Тун молча провожал их взглядом. Его глаза Инь-Ян мягко мерцали в темноте.

Несчастный малыш, погубленный жестоким менеджером, благодаря защите Сердца Родителей Сюй Чэня и Чжоу Сяопин теперь обретет достойное перерождение. Если бы его безутешные родители могли узнать об этом, их сердца наверняка затянулись бы от вечной скорби.

Взгляд Чжоу Туна вновь скользнул к фигуре Хань Ци. Возле молодого человека вилась едва различимая призрачная тень женщины. Её полупрозрачные, тонкие пальцы мягко оглаживали его щеку. Почувствовав на себе взгляд Чжоу Туна, она медленно повернула к нему бледное лицо и растянула губы в хищном оскале. В её налитых кровью багровых глазах горело безумное, ничем не прикрытое вожделение.

Вдруг налетел резкий порыв ночного ветра, и жуткий женский силуэт растаял без следа, словно струйка дыма.

<http://bllate.org/book/18246/1764699>